

ВПРОИЗВОДСТВЕННОЙ мелодраме "Весна на Заречной улице" (1956) есть замечательный фрагмент: рабочий Савченко приходит к учительнице Левченко, а та, небрежно кивнув, начинает с упоением слушать по радио Второй концерт Сергея Рахманинова. Лицо строгой девушки преобразается, делается мечтательно-задумчивым.

Мелодия накатывает, как волны. Каждая нота попадает прямо в сердце. Что ж, тогда влюблённый пролетарий тихонечко ретируется, не выдержав конкуренции — где он, а где Рахманинов?! Эта пятиминутная сцена сыграна без реплик — мы слышим фортепиано Льва Оборина в сопровождении оркестрантов, но музыка становится чем-то вроде лакмусовой бумажки — в этот момент Савченко понял: учительница настолько выше него, что есть лишь один выход — учиться, дабы его приняли в свой круг. Такому, как есть, без понимания Рахманинова, сюда хода нет.

Итак, Второй концерт был создан в 1900 году, и в тех звуках воплотился русский модерн с его противоречивой гармонией. А мы отправляемся на выставку "Я — русский композитор", приуроченную к 150-летию со дня рождения Сергея Васильевича Рахманинова (1873–1943). В названии проекта — часть цитаты: "Я — русский композитор, и моя родина напо-

жила отпечаток на мой характер и мои взгляды. Моя музыка — это плод моего характера, и потому это русская музыка". По факту Рахманинов свершил почти невозможное, соединив в своём творчестве московскую и петербургскую школы, а они считались антагонистами, не сказать грубее.

Во всём мире Сергей Рахманинов — один из символов России, как и Пётр Чайковский, Игорь Стравинский, Александр Скрябин. Даже нынешняя сансел culture, направленная против русских, не способна вытравить память о величии нашей музыки.

Нетривиально и место проведения экспозиции — Новая Третьяковка. Сейчас это популярнейший тренд — смешивать жанры: в исторических музеях выставляются живопись, а в художественных галереях беседуют о симфониях. Экспозиция не столько биографическая, сколько социо-

культурная. То, чем жил композитор, чем дышал, что созерцал. Это, прежде всего, разговор об эпохе Рахманинова, а потом уж о нём самом.

Кому-то, наверное, захочется иронизировать (мне довелось прочитать ряд критических заметок, где авторы сочли, что во всём этом — преизрядная доля искусственности). В первый момент, действительно, вспоминается диалог из довалтовского "Заповедника", где главный герой спрашивает у служителей, что конкретно в усадьбе относится к Пушкину. Пространно-велемечивый ответ не заставил себя долго ждать: "Река, холмы, деревья — сверстники Пушкина. Его собеседники и друзья. Вся удивительная природа здешних мест".

Потому, когда на выставке о Сергее Рахманинове... встречаем холсты Константина Коровина и Василия Кандиного, никак не относящиеся к самому герою, при-

вых — узнать было уже невозможно". Это исполненное презрения упоминание картины — свидетельство её растраженной славы до революции.

ОДНАКО МЫ забежали вперёд, и нелишне поговорить о самом юбиларе. Сергей Рахманинов родился в Новгородской губернии, а умер в Беверли-Хиллз. Между этими двумя событиями — жизнь гения, наполненная аплодисментами, провалами, поиском и сомнением. Нас встречает портрет композитора, написанный в 1929 году Борисом Шаляпиным, сыном великого баса. Шаляпин-младший не польстил своему другу — перед нами уставший человек с надменным лицом. Взгляд пронизывает. Но самое главное — это руки, восторгавшие публику. Таких длинных пальцев практически не бывает в природе.

Портрет сделан уже в эмиграции, а Борис Шаляпин везде значится как фран-

Константином Коровиным. Это уже не просто "дуновение времени", а конкретика — Рахманинов дружил с семейством Шаляпиных, о чём говорят фотографии на стендах. Кстати, по этой картине можно установить, чем отличался русский импрессионизм от аутентично-французского. Движением! У парихан вся их impression — застывший момент, а у нас — вечная динамика. Зрителю кажется, что Шаляпин вот-вот вскочит и примется шагать по помещению.

Рядом — картина "У Константина Коровина", созданная Сергеем Виноградовым. Дача в Охотино показана как приют неги. В уютный дом проникают лучи солнца, а за окном — зелёное, сочное лето. Хотя это не место для беспечного отдыха — видны мольберты, рамы и уже готовые холсты на подрамниках. Женщина в белой блузе, что сидит к нам в профиль, — гражданская жена Коровина, актриса Надежда Комаровская. Летние виды Охотино были знакомы и Рахманинову, любившему комфорт.

МЫ ПЕРЕХОДИМ к иной теме — к восприятию Бога и религии. Наш Серебряный век, как и западный модерн, выделялся двумя крайностями: 1) рьяным богоискательством, которое предлагало очистить от делового цинизма XIX столетия и 2) богоборчеством. Рахманинов взял для себя первое — искать Град Небесный. И потому неслучайно его обращение к духовной музыке: им были написаны Литургия святого Иоанна Златоуста и Всенощная. Среди экзоплатов — хромалые живописные работ, связанных с храмами, иконографией, молитвами. Так, можно увидеть картину Петра Петровича "В церкви Спаса-Нередицы под Новгородом" — здесь благость и умиротворение, что подчёркивается неяркими тонами и общей лёгкостью.

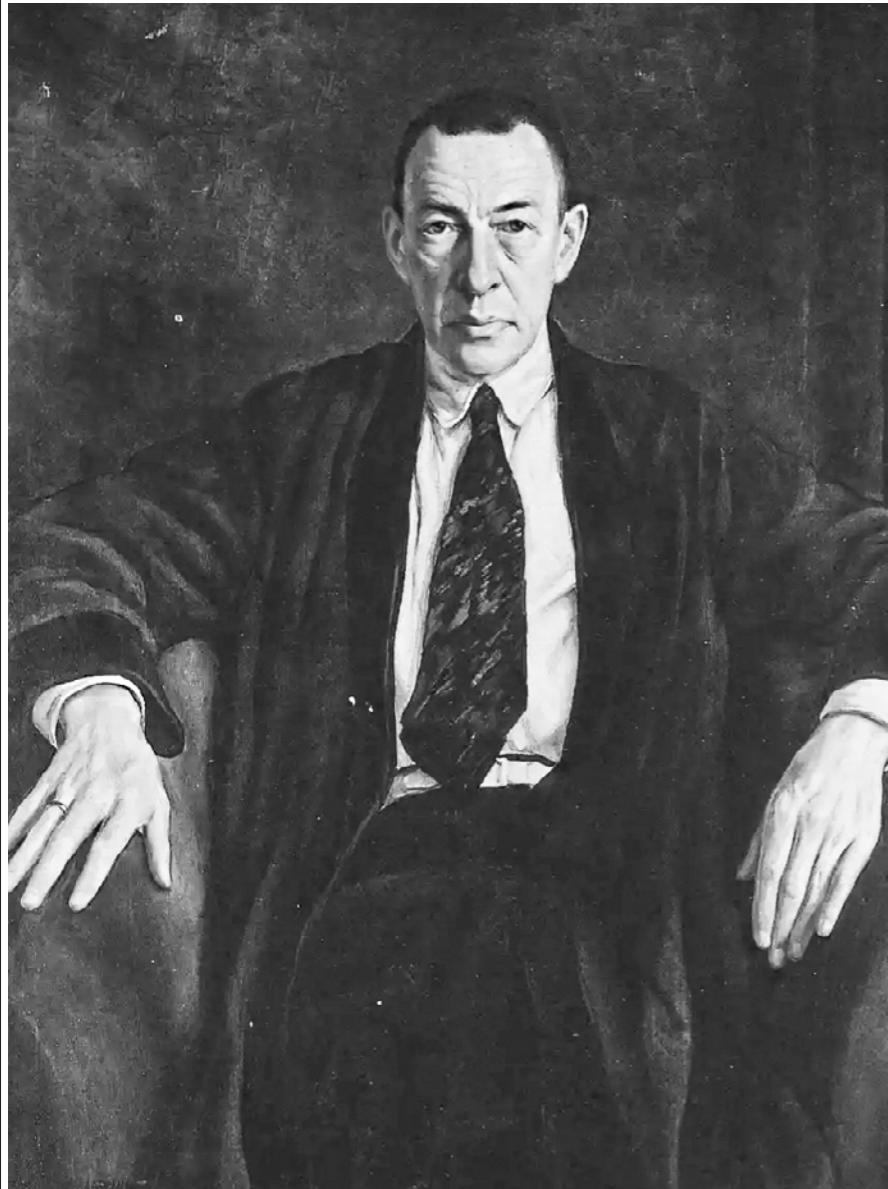
На контрасте дан пейзаж Аристарха Лентулова "Новый Иерусалим. Ворота над Башней", где чувствуется и колокольный звон, и борение, и внятная тревожность, свойственная атмосфере 1910-х годов. Тут же "Москва. Красная площадь" Василия Кандиного — ощущение, что город уходит из-под ног. Люди ждали не то конца света, не то изначальности нового мира. Что характерно, дождались и того, и другого.

Сергей Рахманинов не принял революцию — она казалась проявлением хаоса. Да, его музыку транслировали в СССР — композитор никогда не был врагом России как таковой, а в годы войны передал огромные средства в помощь фронту. В отличие от большинства уехавших, Рахманинов и на Западе оставался востребованным специалистом, уважаемым денди, участником светской тусовки, в чём убеждаемся, глядя на фотографии, а "Симфонические танцы", считающиеся одной из вершин его мастерства, Рахманинов создал аж в начале 1940-х.

Привлекает портрет, написанный Борисом Григорьевым — ещё одним эмигрантом, который бежал из Петрограда, переплыл на лодке Финский залив. Потом бесконечно путешествовал, точнее, мотался, но не выдохая как профессионал. С Рахманиновым он пересекался ещё в России, таким образом, это портрет хорошего знакомого, с коим оплетала судьба. Григорьев, несмотря на резко-авангардную манеру, всегда передавал суть персонажей: его Рахманинов с полуприкрытыми глазами; он — в мире тонких гармоний.

На выставке есть не только живописные экспонаты, дополненные фотоснимками, но и личные вещи, ноты, афиши, фоновая музыка. Это междотраслевой проект, изысканный и неординарный. А рефрен чётко и прямо: "Я — русский композитор".

Галина ИВАНКИНА

«Портрет Сергея Рахманинова» (1929). Художник Борис Шаляпин

КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ

Размышления об отце

ВНОВЯБРЕ ЭТОГО ГОДА в галерее "Арт-Мезон" прошла первая посмертная выставка моего отца, художника Станислава Бычкова. Событие само по себе фантастическое, если принять во внимание ту стремительность, с какой бесцельны от искусства меняют свои предпочтения и вкусы, а художественные критики прописывают нам те или иные художественные очки или навязывают своё просвещённое мнение. Тем не менее событие и вправду незаурядное. Незнакомый при жизни и в общем-то непризнанный художник вдруг удостаивается персональной посмертной выставки в престижной галерее. Разумеется, у этой выставки есть своя предистория, и имя художника Станислава Бычкова пишется не на пустом листе. Многие картины Бычкова давно находятся в коллекциях галерей "Арт-Стори" и Музея современного искусства, так же, как и на "проклятом Западе". Но всё же выставка в "Арт-Мезон" — самая представительная и всего-навсего третья, если считать персональные. Вторая состоялась двадцать лет назад, ещё при жизни отца, в одной из районных библиотек на окраине города Москвы.

Если придерживаться строгого формата статьи и забыть, что автор — сын художника, то можно было бы продолжить и так: выставка Бычкова — повод вернуться к разговору о феномене живописи самой по себе, о чистом, если хотите, искусстве, которое, если встать на сторону колористов и Сезанна, по-прежнему ищет и обретает себя прежде всего в цвете, в том, как живопись нам представляет (а следовательно, и возвращает) "чистые простые вещицы". Художнику достаточно яблока или человеческого лица, ему достаточно мотива, чтобы проникнуть за границы и того, и другого, но в то же время выразить себя.

Поплававши в каталогах и учёных книгах, можно было бы найти среди "измов" и место для манеры Бычкова. И развить эту игру "измами" в тексте статьи. Безусловно, это был бы впечатляющий профессиональный дискурс. В конце же следовало бы заметить, что внутри подобной учёной беседы должен бы таиться и открываться и какой-то другой разговор, о том, что же в искусстве не меняется. И что, согласно Прусту, имеет отношение к идеальным сущностям.

Но я бы не хотел писать так. Художник Станислав Бычков — прежде всего мой отец. И с его живописью у меня очень личные отношения. Как рассказать об этом? Ведь многие из тех картин, которые можно было увидеть на выставке, висят и у меня дома. Я вижу их каждый день. Каждый день восходит солнце, и загорается на стене "Наторморт", и вещи, которые давно уже нет, снова являют себя. Раскрывается старая пиала, раскрывается, как раковина, или распускается, как цветок, и на ней лежит удивительно жёлтый лимон, а рядом нарядная медная сахарница, и надо всем этим смешные, как уши, изогнутые красные спинки стульев. Или мои любимые "Лодки на старом Дамгаровском пруду" — приплыли, как живые, и эта живая, фантастическая вода. Или эти задумчивые фигуры в

кафе: двое в чёрном, а один в рыжем ("Троица"). Три рюмки, коньяк, фосфоресцирующие дольки лимона... Слушают музыку или просто смотрят? И весёлые фонарики на стене — зелёный и красный. Я живу каждый день среди этих картин. "Голубой наторморт" сопровождает моё шествие из комнаты в комнату. Строгий "Псков" настраивает на работу. А "Женщина" соблазняет... И уже разнотонно садится солнце, выкрашивая в ван-готовские мазки небо и стену "Элеватора".

ЯВЫРОС среди этих картин, я видел, как они появлялись. И для меня, тогда ещё ребёнка, это было естественное. Это могло быть только так и никак иначе. И это могли быть только такие картины. Позднее, становясь постепенно "взрослым мальчиком", я очень удивился, что, оказывается, может быть и какая-то другая живопись. Уже будучи студентом, я буквально испытывал вожделение к картинам отца, среди которых прошло моё детство. Я даже завидовал своему отцу и ревновал, что, вот, у него есть эти картины, а у меня нет. И выпрашивал, чтобы они хоть какое-то время повисели и у меня (отец тогда уже жил отдельно). Эти картины для меня всегда были чем-то большим, чем просто хорошая живопись. И даже сейчас это не только память об отце, это непреднамеренное явление и присутствие самого духа Искусства. Часть обитания. Как погожий солнечный день. Благословенное начало. Именно то, что в конце концов сделало художником и меня. Конечно же, в жизни мне повезло — даря я получил из первых рук.

Мои картины — из слов. Отец — частый герой моих романов и рассказов, он появляется в них, может быть, даже чаще, чем это кажется. Но я не только восхищаюсь отцом и люблю его в своём воображении, здесь речь и о борьбе.

На этих страницах, конечно, не место для психоаналитического очерка. Но всё же я хотел бы скрывать и сложности наших отношений. Сложности, из которой каждый мужчина черпает силы для своего становления. Не углубляясь в тему, признаю, что, помимо ясного и дневного Толстого, люблю и ночного Кафку, и сумеречного Достоевского, которых отец не любил. Но и не всё так по-фрейдистски просто. Сюжет об отце черпается в полутоне. Если вспомнить, так ведь и я вслед за ним учил называть "Моцарта и Сальери"... А его любимые строки Маяковского, скажет читатель. Начал с выставки, а потом...

Но где эта тонкая грань между автором и его текстами или картинами? Отец мой, кстати, часто превращал в живопись и повседневную жизнь. Он даже стены красил в разные цвета в той нашей старой квартире на Изумрудной. А в прихожей у нас были фрески с бегущими индейцами. На другой же квартире, уже на Динамо, в коридоре сиял чёрный лакированный потолок с золотой сеткой, на который соседи приходили смотреть, как в музей. Отец любил работать руками, он мастерил сам подрамники, не брезговал строить себе и стенные шкафы. Сам сделал письменный стол и кровати. Всё вокруг преображалось, искусство и мастерство было во всём. Помню, чтобы подтянуть меня по физику, он сплел мне из снега "настоящего" козла, через которого я прыгал с каким-то даже не удовольствием, а вдох-

«Автопортрет». Художник Станислав Бычков

новением и в конце концов допрыгался до третьего мужского разряда (по гимнастике, разумеется). Отец даже и одевался живописно, то в фантастическую блузу, то в разноцветный плащ. Он посещал консерваторию и в "Зал Чайковского" входил, как Бах. Пел, оформлял дома книги. И даже ватман резал артистично. У отца был настоящий скальпель, бесконечно острый, и над бумагой он мелькал, как молния. Потом отец медленно точил им карандаши, чтобы провести наконец "самую тонкую на свете линию", как он сам выражался. А иногда, подыгавши, он свистел, как соловей-разбойник, где-то там арочно выгибая под небо язык. Да что говорить, он же умел "крутить солнце"! И не только на гимнастической перекладине.

Он был человек праздника. По знаку зодиака — лев. И писать его портрет можно только так.

Отец мой оживает во мне сейчас. Он жив, и я снова спрашиваю его:

"А помнишь, как ты привёз из Карелии лосинные рога и целое ведро брусники?"

"А помнишь, как ты обмывал меня и делал коктейли из мороженого с апельсинами, потому что я не любил апельсины?"

"А как ты зацикал, что я сломал твою радиолу "Ригонду", когда я в первый раз поставил "Пинк Флойд"?"

И я снова говорю отцу "ты". Как будто бы он живой...

Прости, читатель, что вспоминаю именно так, и я не стал себя сдерживать. Картины с выставки порождают картины из бессознательного. Их, конечно, хватит на целый том. "Центр больше не держится", — говорит Элиот. Но как ещё сопротивляться интеллекту? А сегодня ещё и искусственному. Со всех сторон нас учат писать правильно. Как и когда-то в школе.

Но мы почему-то выбираем неправильное.

Андрей БЫЧКОВ

С ЮБИЛЕЕМ!

Поздравляем Наталью НАРОЧИЦКУЮ

НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА — жемчужина Изборского клуба, стоявшая у самого его основания, входящая в тот узкий круг мыслителей и общественных деятелей, которые пострадали и заслужили высокое звание патриота и защитника национальных интересов России.

Она глубокий учёный, исследователь, трибун русской истории и русского народа, защитник православной веры, дипломат и свидетель о сущности России перед лицом других народов. Ради этого она создала свои организации: Фонд исторической перспективы и Европейский институт демократии и сотрудничества; стояла у истоков Всемирного Русского народного собора. Перу Натальи Алексеевны принадлежат десятки книг, она подлинный просветитель.

Когда говорит Нарочицкая — её строгое обаяние, сердечный ум и особая способность концентрировать внимание на главной идее заставляют оппонентов замолкать.

Когда впервые я увидел Наталью Алексеевну Нарочицкую — не на экране телевизора, а воочию — меня поразила её жизнерадостность. Этот оптимизм, светлый взгляд на жизнь, способность не унывать, невзирая на все каверзы и перипетии нашей актуальной истории и политики — светит нам и сегодня.

Наталья Алексеевна, дорогая, с юбилеем вас! Светите бесконечно! Поздравляем!

Виталий АВЕРЬЯНОВ

Коллективы редакции газеты "Завтра" и телеканала "День" присоединяются к поздравлениям и желают Натальи Алексеевны многога лета!

23 декабря в "День-центре" состоится конференция "Итоги года". Начало в 12.00.

В мероприятии примут участие авторы газеты "Завтра", ведущие эксперты и общественные деятели.

Адрес: Москва, ул. Коровий Вал, 1Ас1, 3-й этаж, ТЦ "Добрынинский". Подробнее на сайте день-магазин.рф. Справки по тел. +7 (499) 350-17-79.

Программа конференции:

12:00 — 13:00

Военный историк, эксперт **Юрий КНУТОВ**

13:30 — 14:30

Военный эксперт **Александр АРТАМОНОВ**

15:00 — 15:45

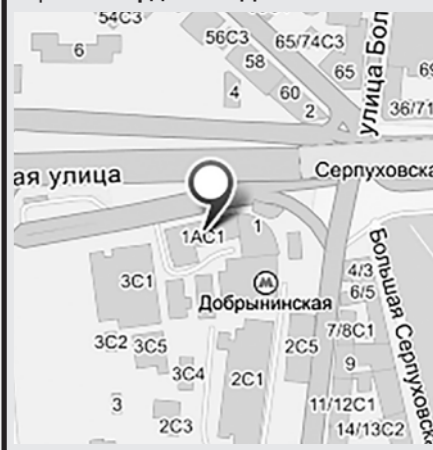
Экономист, публицист, общественный деятель **Александр ЛЕЖАВА**

16:00 — 16:45

Военный аналитик и эксперт **Константин СИВКОВ**

17:00 — 18:00

Доктор исторических наук, профессор МГУ **Вардан БАГДАСАРЯН**

«БУХАНКА» для ДОНБАССА

Российские писатели и все неравнодушные люди собирают средства на микроавтобус со снаряжением

Гуманитарно-писательский проект "Буханка" для Донбасса" планирует отправить к Новому году машину на фронт. Бойцам будут доставлены генераторы, бензопилы, термобелье, носилки, лекарства и многое другое. Авто также будет передано в дар.

С сентября прошлого года проект подарил фронту уже девять микроавтобусов УАЗ СГР ("буханка")! Участники проекта лично закупают и отвозят всё на передовую. Подробные отчёты можно посмотреть на сайте проекта (buhanka-donbass.ru).

"Близится Новый год. Давайте порадуем наших ребят. Тех, кто сейчас в окопах и на блокпостах. Они очень нуждаются в поддержке и вновь ждут "буханку" со снаряжением", — говорит руководитель проекта Игорь Панин.

Желающие помочь — заходите на сайт.